

„КОГДА ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР...”

Перевод с английского и предисловие
АНДРЕЯ СЕРГЕЕВА

Первая же книга английского поэта Дилана Томаса (1914—1953), вышедшая в 1934 году, обратила на себя внимание критики и читателей. Английская поэзия 30-х годов задышалась от сверхинтеллектуализма, чрезмерной усложненности и рационализма. Стихи Дилана Томаса казались глотком свежего воздуха.

Истоки его творчества — в природе и людях Уэльса, в причудливом кельтском фольклоре, в мир образов которого поэт был погружен с детства. Важнейший след в творчестве поэта оставило и его увлечение Шекспиром. Как и строки шекспировских трагедий, стихи Дилана Томаса рассчитаны прежде всего не на чтение глазами, а на произнесение вслух. Недаром Дилан Томас был одним из лучших в Англии чтецов. Каждое стихотворение Дилана Томаса — монолог из трагедии, которой была его жизнь. Он в полной мере познал тяжесть нужды и болезней. Высокое поэтическое творчество приходилось соединять с поденщиной ради куска хлеба. Он знал и шумное признание и равнодушное непонимание.

Дилан Томас умер молодым. Он не успел в полной мере оправдать все возлагавшиеся на него надежды. Но и то, что он сделал, очень значительно. Стихи его принадлежат к лучшим страницам современной английской поэзии. Зарубежная прогрессивная печать ныне по достоинству оценила творчество Дилана Томаса.

Особенно, когда октябрьский ветер
Мне в волосы запустит пятерню,
И солнце крабом, и земля в огне,
И крабом тень моя легла на берег,—
Под переключку птичьих голосов
И кашель ворона на палках голых
По жилам сердце деловито гонит
Ямбическую кровь, лишаясь слов.
Вон женщины во весь шумливый

рост

Идут по горизонту, как деревья,
Вон бегают по перелеску дети,
В движении похожие на звезд.
Я создаю тебя из гулких буков,
Из шелеста дубов, осенних чар,
Корней боярышника, хмурых гор —
В прибое создаю тебя из звуков.

Над парком беспокойный циферблат.
Часы толкуют время, славят утро
И флюгеру о направлении ветра
Колючими словами говорят.
Я создаю тебя из дольных вздохов.
Трава пророчит: все, что я постиг,
Покроет мокрый изъязвленный снег.
Но ты вдали от злых вороньих
криков.

Особенно, когда октябрьский ветер
(Я создаю тебя в канун зимы,
Когда гремят валлийские холмы)
Молотит кулаками репы берег,
Я создаю из бессердечных слов
Тебя—сердечных сердцу не хватило.
Химическая кровь мне полнит жилы.
На взморье, среди птичьих голосов.

Уши с башенок слышат,
Как кто-то стучится в дверь,
Глаза из оконниц видят,
Как руки замок теребят.
Открыть мне или остаться
Скрытым до самой смерти
От посторонних взглядов
В домике на утесе?
Руки, в вас хлеб или яд?
На этой скале в плену
У тесного моря плоти,
В плену у клетки грудной
Я совсем не слышу страну
И не различаю горы.
Ни дрозд, ни летучая рыба
Мой не нарушат покой.

Уши с острова слышат
Ветер, быстрый, как пламя,
Глаза мои с острова видят
Корабль, вошедший в залив.
Броситься мне к кораблю,
Чтобы ветер играл волосами,
Или остаться в доме,
Дверь морякам не открыв:
Что у них, хлеб или яд?
Руки на дверь ворчат —
Внять ли настойчивой просьбе?
Корабль бросает якорь —
Открыть ли дверь морякам?
Или жить в одиночестве,
Пока не придет ко мне смерть?
Руки, ответьте, корабль, ответь:
Что у вас, хлеб или яд?

Среди жертв утреннего налета

был столетний старик

Когда утро едва забрезжило над войной,
Он встал, оделся, из комнаты вышел и умер.
Взрывной волной все двери в домах распахнуло.
Он рухнул на камни, на свой любимый паркет.
Пусть любимая улочка с траурной черной каймой
Знает, что здесь он на миг задержал рассвет,
Что глаза его были весенние почки и пламя,
Когда со звоном ключи из замков вылетали.
Не ищите обломков жизни в седом его сердце,
Не ждите звона лопаты — уже несется
Небесная скорая помощь, влекомая смертью.
О, спасите его от этой пошлой кареты!
Утро парит на крыльях его столетья,
И сотня аистов села на руку солнца.

Стихи в октябре

Под небом мой год тридцатый
Пробудился в звуках от моря до ближнего леса,
От ракушек в пруду до цапли
На дюнах,
А утро звало —
Хоралами волн и чаек пронзительной песней,
И стуками парусных лодок о мшистую пристань —
В ту же секунду
Покинуть
Еще не проснувшийся город.
Вместе с птицами певчими
Птицы крылатых деревьев несли мое имя
Над лошадьми и фермами,
И в осенний
Мой день рождения
Все былые дни на меня низвергались ливнем.

Цапля ныряла в приливе, когда я вышел.
Городок пробудился,
За мною
Ворота его затворились.
Стая жаворонков в бегущей
Туче, и в кустах придорожных посвист
Дроздов, и почти июльское
Солнышко
На плече холма.
Вешний воздух и звонкое пенье неожиданно
Влились в утро, в котором бродил я и слушал
Шум дождя
И в дальнем
Лесу завыванье осени.
Бледный дождь над заливом,
И над морем церковь размером с улитку —
Рёжки пронзают туман,
Домик
Сереет, как филин.
Сады же весны и лета цвели небылицей
За горизонтом, под облаком, полным птиц.
Наверно, туда
Уходил
Мой день рожденья, но вдруг —
В край мой из стран блаженных,
Освежая природу и проясняя небо,
Повеяло чудом лета,
Смородиной,
Грушами, яблоками.
И на склоне года я вдруг увидел ребенка,
Который забытым утром шагает с матерью
Сквозь светлые сказки
Солнца
В легендах зеленого храма,
По детству дважды родному.
И детские слезы текли по моим щекам.
Этот лес, и река, и море —
Такие же,
Как тогда,
Когда я мальчишкой в затишье летнего зноя
Поверял свою радость камням, деревьям и рыбам,
И пели тайны
Живые,
Пели птицы и волны.
И там был мой день рождения.
Но погода совсем изменилась, и ожившая радость
Давно ушедшего детства
Запела
В сиянье солнца.
Стал летним полднем тридцатый мой год под небом,
Хотя городок внизу обагрался кровью октябрьской.
Пусть же сердце
С холма
Поет на повороте года.

